тыми» кусками, потому что создатель сценического варианта интермедии стремится чаще всего не столько передать последовательно события, сколько увеличить число действующих лиц, их передвижений, перипетий, динамизировать постановку, увеличить суматоху на сцене. Увидеть это можно хотя бы на примере двух украинских интермедий, записанных в рукописи конца XVII—начала XVIII в., найденной Ярославом Гордынским в селе Дернове Львовской области.[1]

В пятой дерновской интермедии сконтаминированы две сценки, которые могли ставиться, а может быть, когда-то и ставились на сцене порознь. Их совмещение способствовало созданию постановки, в которой много движения. Под конец первой сценки, в которой ссорятся и дерутся Мужик и лавочник — Еврей, на сцене появляется Студент, хочет наказать того и другого, но Мужик убегает, а на сцене остаются Студент и лавочник. Теперь они начинают ссориться. Студент бьет посуду лавочника, разливает его вино, колотит его и уходит искать своих друзей. Лавочник остается один, жалуется зрителям на свою судьбу и, убегая, просит их не выдавать его приближающимся студентам. После этого на сцену вбегают три Студента и начинают искать лавочника. Монолог одного из них ловко заканчивает интермедию: лучше прекратить поиски, не делать столько шуму, не беспокоить людей (т. е. зрителей) и не терять попусту времени, а вежливо поклониться и всех поздравить с праздником (дерновские интермедии ставились во время пасхи).

В следующей по счету, шестой, дерновской интермедии сценка торга, в которой выступают лавочник, зазывающий покупателей, и его покупатели — Цыган и Баба, примеряющая наряды, сконтаминирована с инсценировкой популярного анекдотического мотива о лекаре-шарлатане. Лекарем притворяется появившийся на сцене примерно в середине представления Дьявол, его пациентами становятся герои первой части этого представления, т. е. Баба и Еврей, помощником — Цыган.

На творческом использовании принципа контаминации построены многие интермедии к драмам Митрофана Довгалевского, которые ставились в Киево-Могилянской академии в 1736 и 1737 гг.[2] Приведем только два примера. В четвертой интермедии к рождественской драме Довгалевского соединены два не связанных друг с другом диалога (или фрагменты двух диалогов): Мужика с Евреем и трех Ксендзов с Москалем. Действующие лица первого диалога не принимают участия во второй части этой интермедии, но ни в заглавной ремарке, схематически излагающей все содержание (так называемое argumentum), ни в последующем тексте нет указаний на то, что персонажи эти должны были сойти со сцены. Это обстоятельство является не только доказательством контаминации, но позволяет предполагать, что постановщик сознательно мог оставить на сцене до конца всех действующих лиц и что во второй части интермедии Мужик и Еврей могли исполнять мимические роли и увеличивать суматоху.

О том, что контаминация была творческим принципом слагателей интермедий, свидетельствует также первая интермедия к пасхальной драме Довгалевского. Приведем argumentum этой интермедии, ставя разделительный знак (||) для отграничения составных частей содержания, очень свободно сращенных в последующем за заглавной ремаркой сценическом тексте и восходящих, по нашему мнению, к разным (по крайней мере к трем) текстовым источникам (письменным или устным):

---

[1] Тексты см.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Київ, 1960.
[2] Тексты см.: там же.